

Арпентьева Мариям Равильевна

*доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Калуга,
mariam_rav@mail.ru*

УДК 159.98

ЛЮДИ-БЕСПРИЗОРНИКИ: ЖИТЕЛИ ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Обосновывается новое понятие – цифровые непризорники. Это понятие необходимо, чтобы объяснить происходящие сейчас в сообществе деформации отношений людей, культуры в целом. Многие взрослые и дети демонстрируют типичные черты жизни и личности обычных непризорников, начиная с аномии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и деструкцией личности и её структур. Побег в цифровой мир есть перемещение в специфическую «цифровую» культурную среду. Развитие человека в этой дезорганизованной культуре также приобретает характер дезорганизованного.

Ключевые слова: инфокоммуникационная (цифровая) культура, аналоговая культура, цифровые непризорники; непризорники; медиасреды; воспитание; обучение; отчуждение; ненужность; желания; потребности.

Культура является феноменом эмерджентным: если люди, живущие в этой культуре, деградируют, то, сколь бы ни были великими прежние достижения исходной культуры, они перестают существовать, как только человек теряет способность понимать себя и мир «прежним» способом, в том числе, целостно, а не «лоскутно», как это происходит сейчас. Лоскутными, фрагментированными становятся и жизнь, и отношения, и деятельность, и понимание себя и мира [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Это – инфляция идентичности, фальсификация мышления и «нехватка нехватки» [9]. Это – отчужденность, одним из проявления которой выступает непризорность, реальная или виртуальная, «цифровая» [10; 11]. Сбываются прогнозы исследователей о том, что «как только мы начнем полагаться на компьютеры в познании окружающего нас мира, наш собственный интеллект упростится до уровня искусственного» [8]. Поэтому каждый день, проведенный без цифровых средств

– день отсрочки радикальной «дизгеники» (dysgenics, genetic deterioration), деградации [12; 21]. Дизгеника – термин, введенный в разное время разными учеными: К. Салеби, Д. Джордана и У. Шокли, – это противоположность евгеники – ухудшение здоровья и благосостояния популяции методами, допускающими накопление опасных аллелей на генетическом уровне и девиаций на психологическом и социальном уровнях. Уильям Б. Шокли определил «дизгенику» как инволюцию или эволюцию, идущую в обратном направлении посредством диспропорционального воспроизводства генетически неполноценных, призывая предотвратить «ретрогрессивную эволюцию», вызываемую «дизгенным поведением».

Дизгенное поведение демонстрируют при этом как «обычные» беспризорники, так и современные, «цифровые» [13; 14; 15; 16; 17]. В обществе и личности накапливается заряд негативизма, конфликтности, инволюции и саморазрушения [18; 19; 20; 21]. Дизгеника – это изучение причин возникновения генетического вырождения или дизгенезиса. В ситуации дизгеники основной проблемой является прогнозирование отсроченных эффектов той или иной деятельности или формы взаимоотношений людей. Прилагательное «дизгеничный» (или «дизгенический») означает способствующий или ведущий к вырождению, к ухудшению наших психофизических, социальных и иных характеристик. «Евгенический» (или «евгенический»), согласно Ф. Гальтону, означает способствующий улучшению человеческой породы, то есть психических и физических черт человека, его социальных и нравственных характеристик. Г. Спенсер ввёл понятие «выживание наиболее приспособленных», разделяя опасения Ч. Дарвина о вымирании человечества. Он был против социального обеспечения, «компенсаторного обучения» малоимущих и представителей меньшинств, мигрантов и т.д., а также иных видов поддержки «слабых», утверждая, что, «способствуя размножению худших, мы сознательно порожаем полчища врагов для своих потомков»: неуместная помощь выводит из строя силы эволюции. «Бедность бездарных, несчастья, обрушивающиеся на неблагоприятных, голод, изнуряющий бездельников, и то, что сильные оттесняют слабых, оставляя многих «на мели и в нищете» – все это воля мудрого и всеблагого провидения» [22]. Процесс отбора, по словам Г. Спенсера, «неизбежно осуществляется, страдания неизбежно продолжаются. Никакая сила на земле, никакие хитроумные законы, придуманные государственными деятелями, никакие проекты по усовершенствованию мира, никакие коммунистические панацеи, никакие реформы, которые когда-либо предлагались или будут предлагаться, не могут уменьшить их ни на йоту» [22]. При этом генетически человечество вырождается, его показатели во всех

сферах снижаются, а фенотипически за счет комфортных условий жизни и неограниченного размножения – повышается. Поэтому развитие человечества согласно эффекту Р. Линна – Дж. Флинта, носит временный характер [21]. Человечеству нужна противостоящая вырождению культура инноваций, культура воспитания и обучения в условиях цифровых технологий.

В контексте настоящего исследования важно теоретическое обоснование метафоры «цифровой беспризорности» и осмысление проблем «цифровой беспризорности» в рамках понятия инфокоммуникационной (цифровой) культуры.

Многие современные люди ведут себя так, как вели себя лишенные попечения, дома, семьи, работы и, соответственно культуры, связанного с нею воспитания и обучения, беспризорники («moralment abandonne»): они живут в психологической обстановке, которая угрожает их психологическому, физическому и нравственному развитию, у них хрупкие, конфликтные, амбивалентные или разрушенные связи с семьей и трудовым коллективом, их жизнь никого не интересует и, по сути, ничего для общества и государства «не стоит», их нравственные ориентиры, если и сохранены, то также потеряли действенный смысл, сама семья при этом также находится в состоянии угасания: разрушения и/или бездействия и равнодушия [3]. Отсутствие у общества интереса к воспитанию и поддержке своих членов, принятия и заботы рождает это явление и катализирует его развитие. Кроме того, часть людей явно или неявно «склоняются» к такой беспризорности: окружающие нередко отказывают людям в любви и подтверждении, злоупотребляют своей властью, а также откровенно принуждают или склоняют к преступной жизни, нищенству, разврату и т.д. Это особое состояние личности и особое положение в обществе, при котором человек недостаточно зрел или инфантилен перед лицом (кризисной) реальности, оказывается лишенным того руководства и поддержки, того принятия, которые необходимы ему, – по его полу, возрасту, статусу, недостаток или неспособность к саморуководству и самопомощи по причине крайней истощенности психологическими, физическими и социальными страданиями и кризисами, неспособность избежать причинения более или менее серьезного вреда самому себе или другим на физическом, психологическом и социальном уровнях из-за тотального отчуждения от реальной жизни как таковой, уход в мир «виртуальный», с его законами и ирреальностью. Это обстоятельство все чаще отмечают многие исследователи [3; 8; 10]. Окружающая их среда не может способствовать их правильному воспитанию и обучению, а также самовоспитанию и самообучению. Они чувствуют себя и живут как одинокие люди, несмотря на весьма активную виртуальную и реальную социальную жизнь (взаимодействия): это происходит

как в связи с внешними причинами («вследствие лишения их свободы, нахождения в больнице на излечении», вследствие развода и переезда на новое место, смены работы и т.д.), так и внутренними (неготовность и неспособность строить реальные отношения с людьми, недостаток социализированности или десоциализация, самоизоляция и отчуждение как попытка пережить травмы и/или следствие десакрализации и потери уважения к людям, себе, жизни). Эта «ненужность» и беззащитность по отношению к жерновам не интересующейся никем кроме себя государственной «системы» и такого же, потребительского и коммодифицированного общества, нелюбимость в семье и на работе и неподтвержденность людей во всех сферах их деятельности – проявления социального вырождения. Как форма «социальной недостаточности, цифровая и иные виды беспризорности требуют компенсации в виде государственного или общественного попечения, а также попечения со стороны семьи и собственных действий человека по восстановлению связей с реальным миром. Кроме того, необходима работа с семьей в направлении осмысления её членами нужд друг друга, прекращения отношений насилия, эксплуатации, зависимости и т.д. Единственное их отличие от обычных беспризорников в том, что без присмотра они оказываются не на улице, а за компьютером, гаджетом и т. д. Это дает возможность назвать их цифровыми или информационными беспризорниками, а ту культуру, которую они представляют – инфокоммуникационной (цифровой). Эта культура отличается от аналоговой, традиционной культуры, в которой есть центр и периферия, есть запреты и предписания, нравственные ориентиры и система опирающихся на них норм поведения и общения. В инфокоммуникационной (цифровой), нетрадиционной культуре, все эти признаки культуры как таковой подвергаются трансформации, в результате которой встает вопрос: культура ли это и если это культура, то как формируется и развивается человек и общество в этой культуре? Нравственные и идеологические, стратификационные и правовые дилеммы, возникающие в сфере цифровых технологий и их использования, а также иных технологий конца XX – начала XXI веков и их использования, говорят о том, что традиционная культура уже необратимо изменилась, а культура цифровая – еще не сформировалась. Возникло состояние а-культурья, бескультурья, на фоне которой прогрессирующими темпами растет взрослая и детская цифровая беспризорность. В аналоговом мире существовала лишь детская беспризорность («street children, homelessness», gamines) — явление полного отстранения несовершеннолетнего («уличный ребенок», «ребенок в ситуации улицы», street kids, street youth) от семьи, сопряженная с утратой места жительства и занятий [12; 20]. Она рассматривается как критический тип безнадзорности — ослабления или отсутствия опеки / попечения от родителей

или попечителей [15; 16]. Данный феномен угрожает гармоничному и своевременному формированию и развитию личности человека и способствует развитию социально негативных навыков [8; 18; 19]. При этом человек и общество начали стремительное падение, деградацию к потребляющему механизму давно: «цифровая культура» стала лишь следствием и показателем разрушенности традиционной культуры, того, что двигаясь в сторону пересмотра старых норм и ценностей, предписаний и ограничений, люди и сообщества так и не достигли новых. Количество беспризорных детей и одиноких взрослых, лишенных семьи, работы и жилья растет по мере отчуждения, систематического отторжения их обществом. Конечно, цифровые беспризорники не вполне лишены семьи и дома физически, однако, психологически их связи с семьей разрушены, заботы о доме и чувство дома у них утеряно или отодвинуто на задний план по сравнению с «домом» цифровым, домом цифровых технологий [6; 23; 24]. Особенно явно эта беспризорность проявляет себя там, где человека учат работать информацией – в сфере обучения [1; 2]. Мир всё больше наполняется не только реальными, но и «цифровыми беспризорниками» [4; 5; 6]. При этом активное включение – целенаправленное обращение к медиатехнологиям – более освоено и «на виду», а проблемы пассивного включения, в том числе стихийного использования медиатехнологий учащимися и обучающимися без и даже вопреки рекомендациям педагогов и преподавателей – осмыслены и изучены меньше, и, преимущественно, в негативном / деструктивном ключе [7; 8; 9; 10]. Очевидно, что данные позволяют не просто интенсифицировать познание человеком себя и мира, но изменить отношения человека и мира, развивать человека как существо, наделенное, благодаря медиатехнологиями, небывалыми для предыдущих поколений, ресурсами. Однако вместо небывалого всплеска успеваемости и воспитанности, культурного развития и развития кругозора учеников, наблюдается «откат» к состояниям почти тотального невежества, вплоть до «конституционной глупости» основной массы населения [11; 12; 13; 14; 17; 18; 19]. Медиатехнологии становятся не инструментами развития, а инструментами деградации и (само) уничтожения [7; 8; 9].

В качестве итога отметим, что взрослые и дети как цифровые беспризорники ощущают на себе все проблемы жизни обычных беспризорников, начиная с аномии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и ускоренным старением, деструкцией личности [1; 2; 34; 5]. Отмеченный еще В.М. Бехтеревым крах института семьи [3], равнодушие государства к проблемам общества, пассивность и нежелание общества развиваться, нежелание служить друг другу, коммодификация и консюмеризм, говорят о том, что безнадзорность – обычная и цифровая – будет

прогрессировать, пока люди не поймут, что стоят на пути взаимо- и самоуничтожения.

Список использованных источников

1. Арпентьева М. Р. Феномен цифровой беспризорности // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2017. №2 (10). С. 37–40.
2. Арпентьева М. Р. В поисках себя и мира // Психологическая культура личности. Ульяновск : Зебра, 2017. С. 5–16.
3. Бехтерев В. М. Вопросы общественного воспитания. М. : ПНУ, 1910. 41 с.
4. Вельский П. Г., Никольский В. Н. Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних, отклоняющихся от нормы в своем поведении. М. : ЮИНИО, 2004. 89 с.
5. Доля А. А. Личностные особенности беспризорных и безнадзорных детей и подростков // Ученые записки РГСУ. 2009. № 11. С. 191–194.
6. Девятова Е. В. Беспризорность в контексте российской культуры : дисс. ... канд. культ. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусства, 2009. 141 с.
7. Ильченко О. Ю. Новые беспризорные: социологический анализ проблемы на примере Приморского края : дисс.... канд. социол. наук. Владивосток : ТОГУ, 2009. 161 с.
8. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1923. 294 с.
9. Курпатов А. Складка времени. Сущность и критерии. М. : Трактат, 2016. 230 с.
10. Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М. : Новая Москва, 1926. 136 с.
11. Самсонова С. А. К вопросу о понятии «детская беспризорность» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 12 (80). С. 358–363.

12. Bassuk, E. L. et al. America's Youngest Outcasts: 2010. Needham, MA: The National Center on Family Homelessness, 2011. P.20.
13. Beand K. Internet addiction // Employment Counseling. 2002. Vol. 39. № 1. P. 2–11.
14. Campen A. The First Information War. New York : Afcea International, 1992. 195 p.
15. Flowers, R. B. Street Kids. Jefferson, NC: McFarland, 2010. 244 p.
16. Gibson, K. Street Kids. New York : New York University Press, 2011. 288 p.
17. Shapira N. Psychiatric features of individuals with problematic Internet use // Journal of Affective Disorders. 2000. № 57. P. 267–272.
18. Spitzer M. Digitale Demenz. München : Droemer, 2012. 340 p.
19. Tapscott D. Grown Up Digital. McGraw-Hill, 2008. P. 15–16.
20. Young K. S. Caught in the Net. N.Y. : John Wiley&Sons, 1998. 256 p.
21. Lynn R. Dysgenics. London : Ulster Institute for Social Research, 2011. 381 p.
22. Spencer H. Social Statics: The Man Versus the State. N.Y. : Appleton-Century-Crofts, 1851/1888/1896. – 411 p.
23. Willis H. Profane cultural. London, Routledge Falmer, 1984. 212 p.
24. Willis H. Common Culture. London : Westview, Open University, 1990. 165 p.

Arpentieva Mariam

grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, associate professor, professor of the department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, Kaluga
mariam_rav@mail.ru

UNATTENDED PEOPLE: THE INFOCOMMUNICATION CULTURE RESIDENTS

The author discuss of new notion of the digital homeless (unattended people). This concept is necessary to explain what is happening now in the community strain relations of people of culture in General. Many adults and children show the typical

ISSN: 2500-4212. Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 67083 от 15.09.2016
Научное обозрение. Раздел I. Научные исследования. 2018. №1. ID 79

features of the life and personality of the usual homeless, since anomie and alienation and ending with isolation and desocialization, developmental delay and destruction of the personality and its structures. Escape to the digital world is moving in a specific digital cultural environment. Human development in this culture takes on the character of disorder, irrelevance and marginality.

Keywords: infocommunication (digital) culture, analog culture, digital homeless; unattended people, media promotion; education; training; alienation; uselessness; desires; needs.

© АНО СНОЛД «Партнёр», 2018

© Арпентьева М. Р., 2018

Учредитель и издатель журнала:

Автономная некоммерческая организация содействие научно-образовательной и литературной деятельности «Партнёр»

ОГРН 1161300050130 ИНН/КПП 1328012707/132801001

Адрес редакции:

430027, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Ульянова, д.22 Д, пом.1

тел./факс: (8342) 32-47-56; тел. общ.: +79271931888; E-mail: redactor@anopartner.ru

О журнале

- ✓ Журнал имеет государственную регистрацию СМИ и ему присвоен международный стандартный серийный номер ISSN.
- ✓ Материалы журнала включаются в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
- ✓ Журнал является официальным изданием. Ссылки на него учитываются так же, как и на печатный труд.
- ✓ Редакция осуществляет рецензирование всех поступающих материалов, соответствующих тематике издания, с целью их экспертной оценки.
- ✓ Журнал выходит на компакт-дисках. Обязательный экземпляр каждого выпуска проходит регистрацию в Научно-техническом центре «Информрегистр».
- ✓ Журнал находится в свободном доступе в сети Интернет по адресу: www.srjournal.ru. Пользователи могут бесплатно читать, загружать, копировать, распространять, использовать в образовательном процессе все статьи.

Прием заявок на публикацию статей и текстов статей, оплата статей осуществляется через функционал Личного кабинета сайта издательства "Партнёр" (www.anopartner.ru) и не требует посещения офиса.